

Весной вся Россия широко отметила 200-летие со дня рождения великого писателя Николая Васильевича Гоголя. Наше издание, конечно же, не могло пройти мимо этого события и обратилось с просьбой к Игорю Петровичу Золотусскому опубликовать в журнале «Мономах» речь, которую этот известный критик, автор замечательных книг о русской классике, произнёс 1 апреля 2009 года в Малом театре на Торжественном вечере, посвящённом двухвековому юбилею Гоголя. Мы рады тому, что один из главных знаменателей жизни и творчества Гоголя откликнулся на нашу просьбу.

В своё время Игорь Золотусский окончил ульяновскую гимназию № 1 с медалью, затем историко-филологический факультет Казанского университета, а в 2005 году получил Литературную премию Александра Солженицына.

Слово о Гоголе

Над головой Гоголя до сих пор бродят тучи, затемняющие его облик. О нём говорят, что он «мистик», «загадка», «тёмный гений». Тени эти пришли из XIX века и не освободили солнца, которое должно, наконец, бросить луч на его портрет.

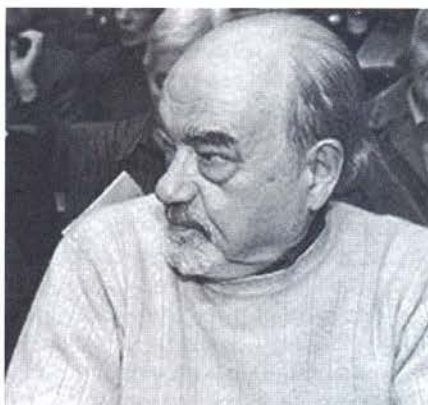
Сегодня в весенний апрельский день мы должны поймать этот луч и послать по назначению. И сказать: мы празднуем день рождения светлого гения.

Я поостерёгся бы пользоваться определениями «загадка» и «тайна» в разговоре о Гоголе. Слова эти сделались символом современной «культурной» пошлости. Конечно, каждая поэтическая строка – тайна в том смысле, что чем больше её постигаешь, тем больше предстоит постичь.

Перечитывая в десятый, двадцатый раз Гоголя, оказываешься в волнующей неизвестности, в пространстве, где не видно ограничивающей даль черты.

Это не тайна, а бесконечность.

Что же касается «загадки», то Гоголь, на мой взгляд, самый открытый русский писатель. Возьмите любую его пьесу, повесть, «Мёртвые души» – это распахнутая дверь в его душу. Гоголь не утаивает от читателя ничего в себе, и каждая его вещь – не только игра таланта и воображения, но и исповедь.

Сказав, что мы празднуем юбилей Гоголя, я не оговорился. Рождение национального гения – такой же всенародный праздник, как торжество по случаю победы в сражении.

Гении и их творения поднимают наш дух и поднимают своё отечество в глазах мира. Иные события приходят и уходят, а гении остаются. И исторический срок их пребывания на земле неограничен.

Россия – наряду с почитанием мастеров живописи, музыки и других искусств – традиционно выделяла из этого списка гениев отечественной словесности. Без их слова, полного сочувствия к человеку, мы бы были иными, мы ушли бы во тьму материальности и остановились бы, как у последней черты, у дверей супермаркета.

С Гоголем мы стоим твёрдо, зная, что у человека есть и высшее предназначение. Он заставляет нас и строже, чем кого бы то ни было, судить самих себя, а эта строгость – залог здоровья общества.

Гоголь называл литературу «незримой ступенью к христианству». Хорошо бы так относились к ней и мы. Мы устали от погружения на дно зла. Нам, как дыхания, не хватает радости и любви. Для Гоголя слова о «незримой ступени» были не метафора и не афоризм. Он жил и писал, не отделяя свою жизнь от своей веры.

И сегодня он даёт нам понять, что тот, кто считает, что идеи – одно, а жизнь – другое, ошибается.

А теперь – о смехе Гоголя, которым одарил его Господь. Об этом смехе говорят, что он бичует, казнит, чуть ли не приговораждает к позорному столбу.

Меж тем, спасительная сила его состоит в том, что даже когда Гоголь касается таких персонажей, как городничий или Держиморда, в его смехе нет злого веселья, а есть мягкость. Его юмор (а «юмор» в переводе с греческого – «влага»), смягчает, как кажется, самые суровые намёки, увлекая к жалости, а не к наказанию.

Человеческое в его смехе, как говорил сам Гоголь, слышится везде.

«Где смех души, – повторял он, – там и ангел на устах». О какой же расправе может идти речь, когда рядом стоит ангел?

Клеймит ли смех Гоголя Чичикова и Хлестакова или несчастного чиновника, вообразившего себя «испанским королём»?

Хлестаков в «Ревизоре» – не человек с двойным дном, не дитя хитрого умысла, а просто дитя, которому выпал, быть может, единственный миг удачи. Его принимают с лаской, ему дают взаймы, дамы ждут от него комплиментов.

О чём ещё может мечтать молодой человек, которому 21 год?

На какое-то мгновение он вдруг замирает и почти шепчет самому себе: «Мне нигде не было такого хорошего приёма». Да и не будет больше никогда. Потому что впереди ждёт батюшка, который может выпороть за то, что растратил родительские денежки, а по возвращении в Петербург – закопчённый четвёртый этаж и обеды «за счёт аглицкого короля».

«Хороший приём» помогает Хлестакову развернуться, раскрыться. Свобода быть тем, кто он есть, выводит наружу его талант. Это поэтический талант фантазии, сочинительства, если хотите, вранья. Недаром тёртые калачи из уездного городка бесповоротно верят ему, верят, что графы и князья, как шмели, «жужжат» у него в передней, пока он одевается, что не сегодня-завтра сделается управляющим департаментом, фельдмаршалом, а то и грозой Государственного совета.

Талант, талант!

Смеётся над этим мальчишкой, и жаль его. Только раз улыбнулась ему судьба, мелькнул этот счастливый миг и улетел, как улетаёт его тройка в конце пьесы. «Эх, залётные!» – и слышится в этом крике ямщика и удал, и риск, и голос родного раздолья.

А Чичиков? Плут из плутов? Скупщик «мёртвых душ», преступающий закон?

Да. Но и сирота, росший без матери. Жизнь с детства глянула на него «сквозь какое-то мутное, занесённое снегом окошко». Жестокий отец крутил сыну ухо, вёл неправую тяжбу с соседями и развратил отданную ему на воспитанье сиротку (сюжет, подаренный Гоголем Достоевскому).

Как выбиться? Как приобрести имя и достаток? Прямой дорогой не возьмёшь, нужны дороги окольные.

И начинаются аферы на таможне, аферы при возведении Храма Христа Спасителя, когда сам храм не вырастает и на этаж, а у членов комиссии по строительству, в которую входит Чичиков, в разных концах Москвы поднялись каменные дома гражданской архитектуры.

И, наконец, история с «мёртвыми душами».

Цепь авантюр, которые давно бы могли сделать героя Гоголя обладателем миллионов. Но – не сделали. Отчего? Почему этот ловкий, казалось бы, мошенник всё время проваливается?

Потому что Чичиков плут чисто русский, плут-романтик и плут-мечтатель. Разве мог бы закоренелый злодей проболтаться Ноздрёву о своих покупках? Разве мог бы он по пьяному делу поссориться с поделщиком, хотя речь шла всего лишь о том, что один из них назвал другого «поповичем»? Правда, как замечает Гоголь, за ссорой стояла одна ядрёная, как репа, бабёнка, доставшаяся между тем какому-то штабс-капитану Шишмарёву, но один написал на другого донос, друзья чуть ни пошли под суд, а их кошельки опустели.

Нет, Чичиков не inferнальный злодей, который по трупам пойдёт, чтоб своего добиться.

Он – комическое лицо. И у него, как замечает автор, «незащищённое серд-

це». Кстати, и сам Гоголь так однажды сказал о себе.

Во втором томе «Мёртвых душ», когда его герой решается на очередной обман (подделывает завещание старухи-миллионщицы), то вновь терпит фиаско. Его бросают в тюрьму, где он рвёт на себе волосы и новенький фрак наваринского дыма с пламенем, а потом приводят к генерал-губернатору, готовому отправить Павла Ивановича на каторгу. И тут Чичиков падает в ноги начальнику губернии и произносит вонзающиеся в душу слова: «Я человек, Ваше сиятельство».

Это признание совершенно иным светом освещает «подлеца» Чичикова. Дмитрий Мережковский уверял нас, что Чичиков – чёрт, как чёрт и Хлестаков. Но может ли чёрт страдать? Или каяться?

Перед нами человек, а не посланец ада.

Русская литература, между прочим, не так уж богата злодеями. Необратимых злодеев в ней нет. Может, только в романах Достоевского они являются, но это, скорей, злодейские идеи, одетые в людское платье. Укажите в нашей словесности хоть одно лицо, которое сравнялось бы с Яго Шекспира?

Их нет.

По существу, то же самое признали английские писатели в своём приветствии к столетию со дня рождения Гоголя. «Мы чествуем его, – писали они, – как... основателя всего того, что заключается в словах «русская литература». Эта литература со служила великую службу России и оказала могучее воздействие на духовный мир всех культурных народов... Более всего нас поражает в русской литературе то необычайное сочувствие ко всему, что страдает, ...к людям, души которых живы ... И это особенное сочувствие, проникающее собою всё, ...есть чувство кровного родства людей, которое держит тесно вместе членов семьи, равно в несчастье, как и в счастье; оно есть чувство истинного братства, которое объединяет всё разнородное человечество».

В нашем народе всегда жило чувство жалости к падшему, оступившемуся, нарушившему закон, – каторжникам несли хлеб и одежду. Может, потому, что верили: эта забота возродит в тех желание спастись.

Вот почему мы любим гоголевскую «Шинель». Там есть это сердечное движение в сторону переписчика бумага, принадлежащего, как говорит Гоголь, к «осаду челоуечества».

В повести есть сцена, где сослуживцы сыплют на голову Акакию Акакиевичу бумажки и называют их «снегом». Что они слышат в ответ? Проникающие слова: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой».

С этого возгласа христианской души начинается крестный ход русской литературы к Богу.

Что бы мы ни читали у Гоголя, мы всегда чувствуем, что сердце автора бьётся в такт сердцу его героев, что автор тут, с ними, что жизнь его неотрывна от их жизни, и пути их, как неэвклидовы прямые, пересекаются.

Что общего, скажите вы, между гением поэзии и скупщиком «мёртвых душ»? Или Гоголем и Собакевичем? При всей неприглядности фамилии последнего, у того тоже есть душа, хотя запрятана она далеко-далеко. Этот «медведь» говорит с печалью: «А что моя жизнь? Да как-то так всё... Пятый десяток живу и ни разу не болел. Придётся за это ответить».

И Собакевич думает о том, что когда-нибудь предстанет перед высшим судом.

Самодовольство, мизантропия (мы помним раздаваемые им характеристики: весь город мошенники: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет) сменяются тоской, задевающей за живое каждого смертного.

К тому же у Собакевича в деревне избы крепкие, и мужики, как строевой лес. Чичиков, сгоряча прозвавший его «кулаком», поправляет себя: «Эх, если б все кулаки!»

Выступавший на торжествах по случаю столетия Гоголя гость из Германии, профессор Брант сказал: «Я был принят в Москве столь же пышно, как г. Хлестаков в качестве ревизора, и если московские купцы не подносили мне подарков вроде балыков и т.п., чего я не взял бы, я получил более драгоценный подарок. Я получил уверенность в могучем движении умов, которым одушевлён русский народ».

На Западе люди, которые не знают мчащуюся тройку, олицетворяющую

у Гоголя Россию, говорят, что у неё ямщик – сумасшедший, не считающийся с ухабами, от которых вот-вот опрокинется экипаж. Я же знаю, что он не опрокинется».

Профессор Брант, судя по всему, имел в виду эпизод из «Мёртвых душ», когда подвыпивший Селифан, так неловко развернул бричку, что Чичиков выпал из неё в грязь. Но затем, попавши в дом Коробочки, был вымыт, его белье отстирано, выглажено и засияло белизной, после чего Павел Иванович благополучно продолжил своё путешествие.

Тройка опрокинулась, но вновь встала на колёса.

Сто лет минуло, изменился мир, изменилась, понеся невиданные потери, Россия.

Но можно ли сказать, что на облучке её тройки восседает сумасшедший ямщик? Сумасшествие сегодня пришло с другой стороны, с другого конца света, и если мир содрогнулся, впад в оцепенение финансового коллапса, то не из-за России.

Сатира, сатира, сатира! – гремит в воздухе, когда произносят имя Гоголя.

А знаем ли мы, что означает это слово? Перевод с латинского: «блюдо с разными плодами, ежегодно подносимое богам; десерт, смесь...» А «satur» по латыни «сытый».

Нынешние мастера этого жанра, лелеемые СМИ и властью (чего в истории русской литературы никогда не было), вполне соответствуют этому понятию: изделия их вполне можно по-

давать на десерт. Эти ювеналы (от сатиры подлинного Ювенала трепетали римская знать и римская интеллигенция) напоминают мне светскую даму из «Театрального разезда» и её вопрос: «Скажите, отчего у нас в России, всё ещё так тривиально?».

Ничего не остаётся, как закусывать этой сатирой очередной обед.

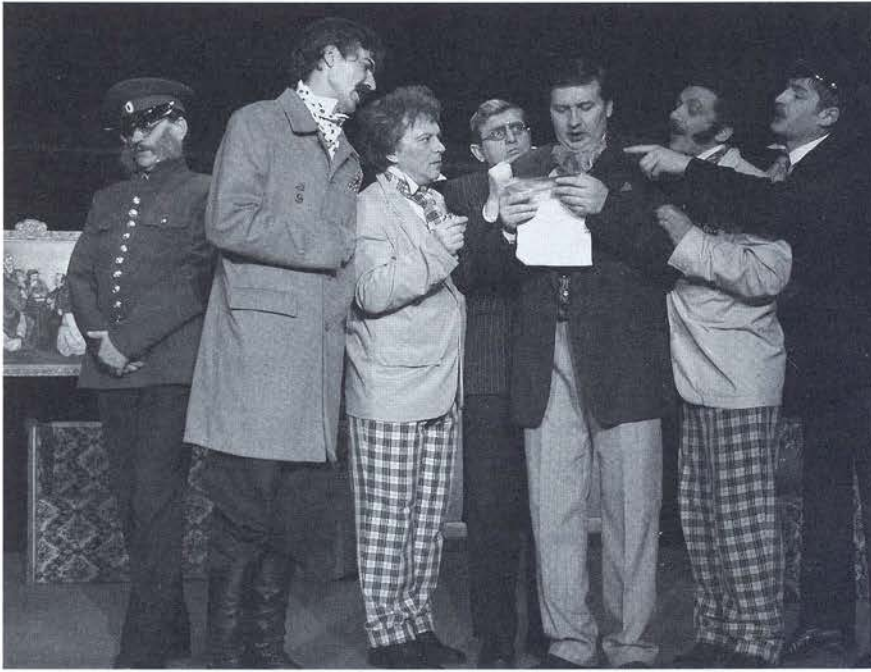
Постперестроечная культура (дита небезызвестной «культурной революции») как-то тушует перед лицом великого прошлого, съёживается, катастрофически уменьшается в размерах и, в конце концов, испаряется, оставляя после себя серный дым.

Хотелось бы развеять ещё одно заблуждение – общее заблуждение насчёт второго тома «Мёртвых душ». Да, этот том сгорел в огне, но несколько глав, оставшихся от него, которые можно считать черновыми, остались. По ним можно составить картину того, чем бы был второй том.

Было ли это собрание ходульных героев, скучного проповедничества и неисполнимых утопий? Был ли это провал Гоголя, свидетельство смерти его гения? Не засохла ли окончательно его художническая кисть и, царапая, стала скрести по холсту?

Чёрт – вечный скептик, понуждающий так думать, – и здесь оказывается в дураках. В оставшихся главах вновь брызжет светлый смех, вновь искрится юмор Гоголя, взмывает над русским простором его лирическая сила и слышится прозрение грядущих угроз века.

Пример первый. Глава о полковнике Кошкарёве. Опять смешная фамилия (как всегда у Гоголя), но отнюдь не смешная история. Побывав со своим полком в Европе (1814 год), полковник поразился тамошним порядком и решил устроить Германию у себя в деревне.

Кошкарёв, или «Дон-Кихот просвещения», как называет его один из героев второго тома, принялся реформировать русскую жизнь путём постановки её с ног на голову. Чичиков, попавший к нему в гости, лишь удивляется: «Вся деревня была в разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу, брёвен по всем улицам. Выстроены были какие-то дома вроде присутственных мест. На одном было написано: «Депо земледельческих орудий», на другом «Главная счётная экспедиция», на третьем – «Комитет сельских дел»; «Школа нормального просвещения поселян»...

Над «Комиссией построения», которая тоже числится в этом ряду, Кошкарёв хочет поставить «Комиссию наблюдения над Комиссией построения», чтобы пресечь распространившееся в первой воровство.

Последствием стало то, что комитеты и комиссии попеременно менялись местами, как, впрочем, и их управители. Место прежнего председателя «Канторы подачи рапортов» камердинера Березовского занял конторщик Тимошка, к «Комитету по

сельским делам» прибавился «Комитет сельских построек». Кроме звания «главнокомандующего» учредились должности «чиновника по особым поручениям» и «статс-секретаря». Последнего полковник счёл нужным «поставить... выше всех» и, «заведя особое высшее управление», переименовать его в «президенты».

Он жалуется на соседей-помещиков, которые приняли его фантазии за сумасбродство и сумасшествие. По его заверению, несмотря на всё упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать о громовых отводах Франклина или Вергилиевы «Георгики», или «Химическое исследование почв».

Тут и Америка (Франклин), и Италия (Вергилий), и Германия (Либих, автор книги «Химия в приложении к земледелию и физиологии») в одном пакете.

«Ужасное невежество, – говорит Кошкарёв Чичикову, – тьма средних веков, и нет средств помочь... Поверьте, нет! Я бы мог всему помочь; я знаю одно средство, вернейшее средство». Какое, спрашивает Чичиков. «Одеть всех до одного в России, как ходят в Германии. Ничего больше, как только это, и я вам ручаюсь, что всё пойдёт как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России».

И смешно, и грустно. Не находят ли сегодняшние «западники», что это про них?

Но Гоголь жалеет и этого «перестройщика». И сколько бы ни метал молний в адрес полковника прагматик Костанжогло (человек, между прочим, нерусский), тот был и остаётся несчастным и смешным преемником ламанчского рыцаря.

А теперь о тёмном, потому что проза Гоголя заключает в себе контрасты света и тени подобно кисти Рембрандта.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями», книги, ставшей мостом между первым и вторым томом «Мёртвых душ», Гоголь писал: «Что значат эти странные власти, образовавшиеся мимо законных..? Люди тёмные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, – и мир это видит весь и, как зачарованный, не смеет шевельнуться?.. Или это ещё новая насмешка духа тьмы?»

Так вот о духе тьмы.

Если в ранних вещах Гоголя черти, панночки, колдуны, Вий – персонажи сказки (хотя порой и страшной), а к некоторым из них он относится с юмором, то в «Мёртвых душах» нечистую силу представляет обыкновенный человек, житель губернского города Тьфуславля (хорошее название для обиталища чёрта). У него нет ни рогов, ни копыт, ни хвоста. Он цивилизованный господин, к тому же, по профессии правовед, слуга закона или, как бы сейчас сказали, правозащитник.

Он «юрисконсульт», и этим всё сказано.

Он, как вперёдсмотрящий, заглядывает в двадцать первый век. Этот юрисконсульт и есть тот самый дьявол, про которого Гоголь сказал: «Дьявол уже без маски выступил в мир». Дьявол по-гречески – «клеветник», «подстрекатель», «князь мира сего». Или, как говорит Апостол Павел, «бог века сего».

На приём к этому «магу», «колдуну» и «философу» отправляется

за консультацией Павел Иванович Чичиков.

Что же тот советует ему?

«Старайтесь только, чтобы производства дела всё было основано на бумаге, чтобы на словах ничего не было. И как только увидите, что дело идёт к развязке, старайтесь не то, чтобы оправдывать и защищать себя, – нет, просто спутать новыми вводными и так посторонними статьями...»

Спутать, спутать и ничего больше, ввести в это дело посторонних, другие обстоятельства, которые бы запутали бы снова и других, сделать сложным – и больше ничего!».

Гоголь определяет эту тактику словами: «Пустить в глаза мглу».

«Поверьте мне, – убеждает Чичикова «маг», – что как только обстоятельства становятся критические, первое дело спутать. Так можно спутать, что никто ничего не поймёт. Я почему спокоен? Потому что знаю: пусть только дела мои пойдут похуже, да я всех впутую в своё – и губернатора, и вице-губернатора, и полицмейстера, и казначея, – всех запутаю».

Здесь юрист-философ посмотрел Чичикову в глаза «с наслаждением».

Высшее наслаждение для дьявола – порядок обратить в хаос, чистую воду – в «мутную». Мгла вместо солнца – таков пейзаж хаоса. Под прикрытием мглы можно друзей обратить во врагов, а жизнь – во всеобщее помешательство. Что и происходит во Тьфуславской губернии.

«Скандалы, соблазны и всё так замешалось и сплелось с историей Чичикова, с мёртвыми душами, что никоим образом нельзя было понять, которое из этих дел была наиглавнейшая чепуха...»

А между тем завязалось дело размера беспредельного... Работали перья писцов... трудились казусные головы. Юрисконсульт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом... Путаница увеличивалась». В дело запущены ложные цифры, ложные донесения. Идея всё спутать так сработала, что губерния рухнула в беспорядочность и мглу.

Чем не сегодняшний финансовый кризис? Кажется, эта глава только что вышла из типографии, а не была извлечена полтора века назад из портфеля Гоголя.

Но закончим всё же светлым.

Есть в сохранившихся главах второго тома маленькая поэма о вечере, проведённом Чичиковым в гостях у помещика Петуха. Чудное существо является в нём, русский Гаргантюа, поедающий «чудовищ»-осетров. Петух вырастает со дна озера, как Нептун, обвешанный водорослями. И пусть смешон он в своём поклонении обедам, завтракам и ужинам, – есть в нём не убитая сила и не скрытая доброта. Его гостеприимство столь же необъятно, как необъятен по размерам сам Пётр Петрович.

Каждое слово, каждая чёрточка этого вечера на великой русской реке и лежащего вблизи озера полны дыхания русского простора, его безбрежности и таящейся в его глубине надежды.

Смотрите сами.

«Возвращались назад уже сумерками. Вёсла ударили впотьмах по водам, уже не отражавшим небо. Едва видны были по берегам озера огоньки. Месяц подымался, когда они пристали к берегу. Повсюду на треногах варили рыбаки уху, всё из ершей да из животрепещущей рыбы. Все уже были дома. Гуси, коровы, козы, давно уже были пригнаны. И самая пыль от них давно уже улеглась, и пастухи, пригнавшие их, стояли у ворот, ожидая крынки молока и приглашения к уху. Там и сям слышался говор и гомон людской, громкое лаяние собак своей деревни и отдалённое – чужих деревень. Месяц подымался, стали озаряться потёмки; и всё, наконец, озарилось – и озеро, и избы; поблед-

нели огни, стал виден дым из труб, осеребрённый лучами».

Кто скажет, прочтя это, что талант Гоголя потух? Что он позабыл, какая земля его родила?

Где здесь распад, где отходная песня по России?

Скольжение лодок по реке, парень-запевала, чистым и звонким голосом выводя как бы из соловьиного горла начальные запевы песни, и разлив этой песни, беспредельной как Русь... «Петух, вострепнувшись, приговаривал, поддавая, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русский». Вот вам Русь, увиденная не из «прекрасного далека», а вблизи, и сердцем, полным сыновнего чувства.

Последнее заблуждение насчёт Гоголя, на котором я кратко остановлюсь, касается «Выбранных мест из переписки с друзьями». Эта книга была оплёвана, оклеветана, предана анафеме. Гоголя называли то Тартюфом, то искусным льстецом, желающим воскурить фимиам царскому дому, то отступником от своего дара.

Раздались голоса и о его помешательстве.

Меж тем, это великая книга русской литературы, без которой не было бы ни Толстого, ни Достоевского. Шаг, предпринятый в ней Гоголем, сегодня назвали бы новаторством. Судите сами, писатель, к слову которого привыкли как к речи, произносимой прокурором на суде (что было ложным представлением о Гоголе), обращает недовольство не на общество, не на

власть, а на себя. Он как бы сходит с поэтического пьедестала, открывая дверь в свою душу.

Шаг, по силе откровенности не имеющий себе равных в русской литературе.

Гоголь желает ввести евангельский закон во все сферы русской жизни – от быта семьи до управления государством. Он хотел бы, чтоб этот закон помог бы и праведно хозяйствовать, и праведно жить. Он и царю даёт советы, как быть достойным своего призвания. Для этого тот должен стать подобным Кормщику Небесному.

Образ Христа, постоянно являющийся на страницах «Выбранных мест», составляет как бы центр книги, к которому устремляются и мысль, и чувство автора.

Публика и по сей день ценит в писателе оппозицию, противопоставление своей правды правде официальной и, как ей кажется, лживой. В «Театральном разрезе» один зритель говорит: «Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. Без него у нас не развяжется ни одна комедия».

Гоголь считает, что общество не исправится никакими реформами и конституциями, пока каждый человек на своём месте честно не исполнит должность свою.

Надо начинать с самих себя.

Отвечая на знаменитое письмо Белинского, он спросит своего оппонента: «Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный (в другом варианте – «коммунист ли, фаланстерьен»), и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призраком, который точно никто покуда не видел, а ежели пытались её хватать руками, она рассыпается. И прогресс, он тоже был, пока о нём не думали, когда же стали ловить его, он и рассыпался».

Защитил он от своего оппонента и церковь.

«Вы отделяете церковь от Христа и христианства, – пишет он далее, – ту

самую церковь, тех самых пастырей, которые мученической своей смертью запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них и, наконец, утомили самих палачей».

Как отозвались эти слова в двадцатом веке, когда кровь наших пастырей пролилась реками по русской земле. А религиозные писатели XX века устами Святытеля Серафима (Чичагова) высказали, наконец, оправдание подвигу Гоголя: «Русская Православная Церковь считает его возлюбленным сыном своим».

«Выбранные места» завершаются главой «Светлое воскресенье». Это праздник Пасхи, день воскресения Христа. Его более других праздников любят на Руси. «Колокольный звон всю землю сливает в единый гул; и половина человечества сознаёт, что одно только христианство в силах преобразовать человека и общество».

Но встаёт на пути этого преобразования страшная болезнь – «гордость ума». То гордыня и тирания теории, отрывающей ум от сердца и лишаящей человека опоры, на которой только и может держаться жизнь, – любви к ближнему своему.

Гоголь даёт в этой книге темы романам Достоевского. Разве не гордость ума, гордость разрушительной идеи толкает его героев на преступления? «Поразительно, – пишет Гоголь, – в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, – дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду».

Не о нас ли это сказано, не от умаления ли любви так разросся в нас эгоизм, пало чувство вины и чувство ответственности? «Ум только тогда идёт вперед, – напоминает Гоголь, – когда идут вперёд все нравственные силы в человеке».

Борис Зайцев назовёт «Выбранные места» «книгой героического духа». А Александр Блок, уже создавший «Двенадцать», пророчески скажет о них: «Мы опять стоим перед этой книгой: она скоро пойдёт в жизнь и в дело».

Что ж, уже и пошла.

«Искусство не разрушение, – писал Гоголь, – искусство есть примирение с жизнью». Как бы ни было трудно сейчас, как бы ни убеждали нас нынешние «властители дум», что человек низок, преступен и неисправим, благодаря тому, что есть на свете Гоголь, Лесков, Гончаров, Толстой, а на Западе – Леонардо да Винчи, Рафаэль и Сервантес, мы никогда не согласимся с этим.

Мы в долгу перед Гоголем. В 1909 году, выступая на торжествах по случаю 100-летия Гоголя, городской голова Москвы Н.И. Гучков говорил: «На долю Москвы, сердца России, выпало счастье быть охранительницей останков великого Гоголя... От имени Москвы земно кланяюсь тебе, великий учитель, и да будет Москва не только охранительницей твоей могилы, но и хранительницей святых твоих заветов».

Слово не сдержали – могилу не сберегли. 31 мая 1930 года гроб Гоголя был извлечён из земли на кладбище Свято-Данилова монастыря, вскрыт и разграблен, а останки перенесены на Новодевичье кладбище. Бронзовый крест и камень-голгофа, на которой тот стоял, исчезли бесследно. А на новом месте поставили мраморный бюст, нарушив тем завещание Гоголя. Конечно, присутствующие здесь не повинны в этом, но это общая вина России.

Слава Богу, сегодня мы можем сказать, что часть этой тяжкой ноши на её сердце будет снята. Голгофа и крест вновь встанут в изголовье могилы Гоголя. И пусть не все вины отмолены (у Гоголя до сих пор нет своего дома в России), пусть ещё толкуют по углам о его таинственной смерти, о разьедающем, как щёлочь, смехе, пусть срамят его на сцене и в кино, – ответим на это словами из старой книги: «Свет и во тьме светит, и тьма не объемлет его».

Со светлым вас праздником!

На фото: сцены из спектакля по пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» в исполнении артистов Димитровградского театр-студии «Подium» (художественный руководитель Владимир Казанджан)